

ЭВОЛЮЦИЯ

Эдвард Хоар

Evolution

Edward Hoare

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о эволюции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эволюция

Автор: Эдвард Хоар

Дата выхода: 8 июня 2016 [Электронная книга № 52273]

Язык: Английский

Титры: Переписано из [1885?] Издание Эллиота Стока Дэвидом Прайсом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ КНИГ ГУТЕНБЕРГА" ***

Переписано из [1885?] Издание Эллиота Стока Дэвидом Прайсом, электронное письмо ssx074@pglaf.org

ЭВОЛЮЦИЯ.

Преподобный ЭДВАРД ХОАР, магистр медицины

ВИКАРИЙ ТАНБРИДЖ-УЭЛЛСА И ПОЧЕТНЫЙ КАНОНИК КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ.

Перепечатано из The Churchman.

ЛОНДОН:

ЭЛЛИОТ СТОК, 62, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, Е.С.

Цена два пенса.

ЭВОЛЮЦИЯ.

Любому человеку, который не претендует на звание человека науки, может показаться очень опрометчивым высказывать свое мнение по какой-либо из теорий ученых. Но существует огромная разница между фактами науки и теориями, предлагаемыми для их объяснения. Факты являются, так сказать, собственностью исследователей. Следователи обладают полномочиями проводить расследования, которых нет у нас, посторонних, и было бы глупостью с нашей стороны, не обладающих такими полномочиями, осмеливаться подвергать сомнению их информацию. Но совсем другое дело с теориями, либо основанными на этих фактах, либо изобретенными для их объяснения. Когда наука предоставила факты, здравый смысл может обсуждать теории, основанные на них; и, не осмеливаясь подвергать сомнению установленные результаты научного исследования, любой человек с обычным интеллектом может составить

свое собственное мнение относительно выводов, вытекающих из известных фактов. Ученые знают факты, а мы нет; но когда они сообщают нам факты, мы можем думать так же хорошо, как и они. Этот момент был чрезвычайно хорошо изложен каноником Гарбеттом на съезде Норвичской церкви в 1865 году. Он сказал: “После определенного момента выводы и аргументы человека науки перестают быть исключительно его собственными и становятся общим достоянием всех людей. Все аргументы основаны на общих принципах, и когда факты дела четко установлены, любой человек, обученный правильно рассуждать, компетентен судить о них”. И снова: “Пусть человек науки, - сказал каноник Гарбетт, - безраздельно властвует в своей сфере, и пусть никто, кроме обученных в той же школе и обученных тому же ремеслу, не отваживается спорить с ним, когда он собирает свои факты и обобщает свои правила. Но когда все это сделано и он приступает к рассуждениям, тогда все по-другому. Он выходит из своего особого отдела в сферу, открытую одинаково для всех людей. Расскажите мне, каковы ваши факты, и, если я в достаточной степени овладею ими, я буду так же компетентен судить об обоснованности выводов, сделанных на их основе, как и сам человек науки”.

Едва ли существует какой-либо предмет, к которому этот принцип применим более полно, чем к Эволюции; ибо то, что называется “доктриной эволюции”, является всего лишь теорией. Это не набор фактов, а теория, которую некоторые из ее самых горячих защитников — как, *например*, профессор Драммонд — объявляют “все еще недоказанной”. [3] Таким образом, хотя мы полностью признаем, что было бы крайней глупостью “обсуждать какой-либо пункт естественной истории с Дарвином или вопрос сравнительной анатомии с Оуэном”, мы можем, с помощью здравого смысла, составить мнение, возможно, столь же обоснованное, как у них, о недоказанной теории, которая была основана на установленных фактах, которые эти великие исследователи поместили в рамки наша досягаемость. Это все, что я попытался бы сделать в настоящей статье. Я не собираюсь подвергать сомнению ни один факт, установленный людьми науки. Все, что я рискнул бы сделать, - это применить обычные мыслительные способности при рассмотрении одной из теорий, которые некоторые ученые предложили в качестве объяснения этих фактов. Я говорю “некоторые ученые”, потому что среди ученых существует очень большая разница во мнениях, и никто не может читать замечательные статьи, подготовленные Институтом Виктории, не замечая, как много точных наблюдений, насколько обширны научные знания и насколько велика сила философии Бэконiana, противопоставленная теории, которая сейчас в моде.

Итак, давайте начнем с нескольких фактов, относительно которых мы все согласны и которые, поскольку их иногда называют Эволюцией, должны служить доказательством правильности теории.

(1) Мы все верим в *рост*. На самом деле мир полон роста. И этот рост не ограничивается постепенным или непрерывным увеличением или развитием; иногда он выражается в самых замечательных внезапных изменениях, например, когда яйцо становится цыпленком, гусеница - куколкой, а куколка - бабочкой. Каждое живое существо, будь то растение или животное, имеет свой собственный способ роста; и ни одно живое существо не рождается на свет в расцвете сил. Человек когда-то был в своей колыбели, орел в своем яйце, дуб в своем желуде; и никто не может указать ни на одно живое существо, будь то в животном или растительном царстве, которое начало жизнь с полным развитием всех сил или свойств своего вида. Что бы люди ни думали о любой теории, на самом деле рост неизменно является первым и наиболее верным сопровождением жизни.

(2) В определенных пределах мы все верим в *вариации*. Как растения, так и животные одного и того же вида различаются в зависимости от обстоятельств, и все они в большей или меньшей степени зависят от страны, климата и культуры. Среди собак, *например*, существует бесчисленное множество разновидностей пород, не говоря уже обо всех дворнягах. Точно так же и среди цветов; существует бесчисленное множество разновидностей роз, и эти разновидности могут быть в любой степени размножены с помощью культуры. Кроме того, существует способность адаптироваться к климату и другим обстоятельствам. В более холодном климате у животных того же вида шерсть толще, чем в тропиках. Не может быть и речи о том, что и растения, и животные сразу же начнут приспосабливаться к новому положению; и, как правило, если им не удастся такое приспособление, они погибают. Вне всякого сомнения, на самом деле существуют вариации, обусловленные как происхождением, так и окружающей средой. Натуралисты говорят нам, что некоторые из этих вариаций не носят постоянного характера, как, *например*, в случае с голубями, о которых Дарвин заявил, что любое количество пород, если их предоставить самим себе, со временем вернется к общей Породе. Но все же факт остается фактом, что в определенных пределах существуют бесчисленные вариации и что эти вариации могут передаваться потомству. Некоторые из них, по-видимому, были произведены тем или иным способом, а некоторые - другим; но, как бы они ни были произведены, они есть; и никто, научный или ненаучный, ни на мгновение не может подвергнуть этот факт сомнению.

(3.) Мы все верим в *прогресс*. Мы видим прогресс повсюду вокруг нас. Кажется, что это универсальный закон, согласно которому должно быть постоянное движение. Иногда наблюдается прогресс, а иногда регресс - но всегда движение; ибо когда нет прогресса, неизменно наступает упадок. Затем, опять же, что касается наблюдения, мы находим это продвижение постепенным и непрерывным. Постепенно формируются характеры; постепенно приобретается ученость; постепенно приобретается власть; и весь мир развивается благодаря постепенному приобретению все большего знания. Такой прогресс наблюдается как в творении, так и в откровении.

В Творении, ибо никто не предполагает, что мир был создан и населен одним мгновенным действием Творца. Могут возникнуть трудности в некоторых общепринятых интерпретациях некоторых утверждений этого самого замечательного повествования, содержащегося в первой главе Бытия; но не может быть никаких сомнений в том, что оно учит прогрессу. Она начинается с хаоса и шаг за шагом ведет нас к совершенному космосу. Вначале: "Земля была пустынной, или бесформенной, и пустой, и тьма была на лице бездны". И в конце мы видим плодородный мир, покрытый растительностью, населенный бесчисленными живыми существами, с человеком по образу Божьему во главе, все наслаждаются ярким светом солнца на небесах; и все в таком совершенном состоянии, что "Бог увидел все, что Он сотворил, и вот, это было очень хорошо". Но это изменение не произошло в результате одного единственного действия. Мир не перескочил одним прыжком из одного состояния в другое. Согласно Писанию, в этом процессе было не менее шести последовательных шагов. Пусть люди объясняют эти шесть дней, как им заблагорассудится, и я полностью признаю, что в их объяснениях могут быть законные различия. Но никто не может сомневаться в том, что повествование учит прогрессированию; и что, согласно этому повествованию, Богу было угодно серией последовательных действий завершить работу, которую Он назвал очень хорошей. Поэтому никто, кто верит в Книгу Бытия, не может ни на мгновение усомниться в прогрессировании процесса творения.

Также не может быть ни малейшего сомнения относительно прогресса в Откровении. Некоторые люди, кажется, говорят об этом так, как будто это новое открытие, связанное с теорией эволюции. Таким людям следует прочитать замечательную книгу под названием “Философия плана спасения”, написанную много лет назад и недавно опубликованную Обществом религиозных трактатов. Совершенно невозможно читать Ветхий и Новый Заветы как целостную книгу, не видя прогресса. Вызывает глубокое сожаление, что такой человек, как профессор Драммонд, сказал, как он, по сообщениям, сказал на своих воскресных лекциях в Гросвенор-хаусе, [5a] “Книгу Бытия следует рассматривать как представляющую истину умам детей”; и проиллюстрировать это стихотворением Джорджа Макдональда “Младенец”, добавив: “не буквально, но верно для ребенок. Итак, Моисей дал истину в форме стихотворения. Если вы говорите, что это научная книга, я отказываюсь от нее; но если вы рассматриваете это как стихотворение, тогда я могу с этим справиться”. Это, по-видимому, учит тому, что Книга Бытия рассматривается им как нечто вроде детского стишка. Но в отчете [5b] явно сокращена; и я надеюсь, что это неверно. Мы знаем, что в Библии шестьдесят шесть книг; но мы также верим, что это “Книга”, завершенная сама по себе, и все ее части так прекрасно распределены, что образуют одно совершенное целое для постепенного развития всего замысла Божьего. Таким образом, мы верим, что один стих (Бытие iii, 15): “И вражду положу между тобою и женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята”, - является семенем, или зародышем, всего Евангелия; и что подобно тому, как дуб находится в желуде, так и в этих нескольких словах содержится весь завет Божий. Первые двенадцать глав Книги Бытия прослеживают родословную этого семени женщины до призвания избранной семьи в Аврааме; исторические книги описывают разнообразную историю этой семьи и показывают, как жестоко змей поразили пята семени женщины; в то время как пророчества расширяют благословенную надежду на окончательную победу в обетованном. Наконец, Евангелия раскрывают долгожданного Христа; а Деяния и Послания раскрывают принципы и прогресс Его царства, пока все это не завершится в Апокалипсисе, где мы читаем о “новых небесах и новой земле”, когда проклятие греха исчезнет навсегда, сатана будет низвергнут в озеро огненное, а семья женщины восторжествует над смертью и адом. Как желудь к дубу, так и это первое обещание к Апокалипсису. Это не поэма, не миф, не детский стишок, но зародыш всего совета Божьего — зародыш, содержащий все Евангелие и требующий не менее четырех тысяч лет для своего развития.

Поэтому пусть никто ни на мгновение не предполагает, что мы не верим в прогресс, ибо мы видим его во всей природе; и мы находим, что этому отчетливо учит Священное Писание как историческому факту, как в творении, так и в откровении. Но факт прогрессирования полностью отличается от теории эволюции; и чрезвычайно важно, чтобы это различие тщательно учитывалось; ибо есть много людей, и некоторые из них с ясной головой, которые, поскольку они видят три вещи - рост, вариации и прогрессию, признают себя верующими в Эволюцию, хотя в то же время они на самом деле отвергают то, что следует строго называть “теорией эволюции”.

Что же тогда представляет собой теория эволюции? Что это такое, что бишоп Темпл описывает как “в настоящее время ведущую научную доктрину”, [6a] и в пользу чего, по его словам, доказательств “чрезвычайно много, и они увеличиваются с каждым днем”? [6b] Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно, поскольку сами эволюционисты, хотя они постоянно трубят о превосходстве своей научной точности, очень редко берут на себя труд объяснить нам, что они имеют в виду. Защищая книгу мистера Драммонда в “Толкователе”, защитник заявляет,

ссылаясь на мою собственную статью в "Черчмене" за февраль прошлого года, что существует по меньшей мере четыре теории эволюции; и он также сообщает нам, какой из четырех теорий учит мистер Драммонд. Жаль, что мистер Драммонд не рассказал нам об этом в своей книге, вместо того чтобы предоставить нам самим делать выводы, поскольку некоторые из нас пришли к выводу, что именно доктрина мистера Герберта Спенсера, по-видимому, вызвала его восторженное восхищение.

Епископ Темпл говорит о "*the* двух теориях эволюции"; а что он делает с двумя другими, я не знаю. Он описывает одну как теорию Ла Плейса, а другую - как теорию Дарвина; первая представляет собой теорию устройства вселенной, и поэтому некоторые называют ее "Космической эволюцией"; другая - теорию развития растительной и животной жизни, и поэтому называется "Биологической эволюцией".

Начнем с *Биологического*. Это кратко изложено епископом Темплом [7a]: "Нельзя отрицать, что исследования Дарвина сделали чрезвычайно вероятным, что огромное разнообразие растений и животных произошло от гораздо меньшего числа первоначальных форм". Итак, Дарвин в своем резюме, [7b] пишет: "Несколько классов фактов, рассмотренных в этой главе, как мне кажется, так ясно заявляют, что бесчисленные виды, роды и семейства, которыми населен этот мир, все произошли, каждый в пределах своего собственного класса или группы, от общих родителей, и все они были изменены в ходе происхождения, что Я бы без колебаний принял эту точку зрения, даже если бы она не была подкреплена другими фактами или аргументами". Я полагаю, что среди нас очень мало тех, кто существенно отличался бы от любого из этих утверждений; ибо оба они полностью допускают первоначальное существование множества общих родителей, что фактически является полным отказом от всей позиции; и Дарвин ограничивает модификации в ходе происхождения изменениями, "каждый в пределах своего собственного класса или группы". Итак, это все, на что претендует антиэволюционист; ибо все наиболее свободно допускают существование наиболее заметных вариаций внутри кругов различных групп.

Но, хотя в этом отрывке есть это ограничение, на самом деле оба автора заявляют гораздо больше об эволюции; ибо название книги Дарвина "Происхождение видов" очень ясно показывает, что он применяет свою теорию не просто к вариациям внутри вида, но и к формированию видов, внутри которых эти вариации имеют место. Я не заключаю из его книги, что его теория заходит так далеко, чтобы предполагать, что растения или животные перешли от одного вида к другому, поскольку оба вида уже существуют; скорее, что благодаря силе "борьбы за существование", "естественного отбора" и "выживания наиболее приспособленных" существующие расы были настолько изменены, что из них произошли новые виды, и что в каждой такой эволюции происходило то, что эволюционисты считают улучшением.

Аргументы, которые епископ Темпл приводит в пользу этой теории, таковы:

(1) "Единство плана, которое можно обнаружить у любого большого класса животных, по-видимому, указывает на единство происхождения". [7c] Он иллюстрирует это, отмечая, что позвоночные животные сформированы по общему плану.

(2) "Постоянно возникают незначительные вариации". [7d]

(3) “Частое появление как у растений, так и у животных бесполезных частей, которые все еще остаются как признаки органов, которые когда-то были полезными, но давно стали бесполезными”. [7e]

Но является ли это научным доказательством? Что касается 1-го, епископ утверждает только, что это “*кажется* правильным”. Что касается второго, то оно спокойно предполагает всю суть вопроса, поскольку никто не отрицает, что существуют вариации “внутри каждого класса или группы”, и тот факт, что такие вариации существуют внутри определенного класса или группы, не является доказательством того, что они могут распространяться за его пределы. А что касается 3-го, кто знает, что те, которые называются “бесполезными частями”, на самом деле бесполезны, хотя их использование может быть неизвестно? И если они бесполезны сейчас, то какие есть доказательства того, что они когда-то были полезны или когда-либо использовались? Ни в одном из этих трех пунктов нет ни малейшего научного подтверждения теории, в поддержку которой они приводятся. Нет ни единого факта, подтверждающего теорию, и все, что может сказать самый ярый сторонник, это то, что гипотеза кажется вероятной. Но насколько отличаются свидетельства другой стороны спора! Там мы находим определенные и бесспорные факты, в которых нельзя сомневаться и которые нельзя согласовать с этой новой теорией.

(1) Биологическая эволюция.

Не может быть сомнений в том, что в мире встречаются определенные большие классы растений и животных, которые обладают определенными отчетливыми характеристиками и которые, на самом деле, не сливаются друг с другом. По-видимому, существуют значительные различия в названиях, данных им, и они, по-видимому, различаются по названию иногда “вида”, иногда “рода”, иногда “класса или группы”, а иногда “вида”. В предложении, процитированном у Дарвина на стр. 6, он говорит о видах, родах и семействах; и описывает их как происходящих каждый от своего собственного класса или группы. Такую путаницу терминов трудно совместить с хвастливой претензией на научную точность. Чтобы меня не запутало какое-либо сомнительное название, я буду различать эти группы как А, В, С, D и т.д., и наш вопрос заключается в том, произошли ли они друг от друга или друг через друга, из общего запаса; или же они являются отдельными творениями. Чтобы ответить на этот вопрос, давайте внимательно рассмотрим три факта.

(i.) Существует замечательный и четко установленный закон стерильности всех гибридов между любыми двумя из этих больших подразделений. Как А, так и В могут содержать большое количество разновидностей, и все разновидности А могут свободно размножаться друг с другом. В таком случае у потомства не происходит нарушения фертильности. То же самое верно для В и всех разновидностей, которые происходят от него. Если эти разновидности обозначены цифрами 1, 2, 3 и т.д., А1 может скрещиваться с А2, А3 или любым другим номером и, таким образом, может ввести новую разновидность в расу А. Но если А или любая вариация А скрестится с В или любой вариацией В, то в первую очередь может появиться потомство; но существует фиксированный и неизменный закон природы, согласно которому не должно быть продолжения этого потомства, поскольку каждая особь, рожденная таким образом, бесплодна. Мулы, например, никогда не могут рожать мулов, а род мулов не обладает способностью к самовоспроизведению. Теперь посмотрим, как это относится к теме эволюции. Если бы В развился из А, то, конечно, существовало бы бесчисленное множество промежуточных

вариаций, и все эти вариации обладали бы способностью увековечивать свой вид. А произведет A1, A1 произведет A2 и так далее, пока A98 не произведет A99, и, наконец, для завершения серии, A99 произведет A100, или B. Но на этом этапе, если мы хотим согласовать теорию эволюции с фактами, должен быть внезапно выработан новый и самый странный закон; и непрерывность закона должна быть нарушена. A98 может скрещиваться с A99, и их потомство может увековечить их расу; но если A99 скрестится с A100, то есть B, это правда, что может быть потомство, но это потомство не будет обладать способностью к самосохранению. Как эволюционизм может объяснить такой перелом в преемственности закона? И разве научный факт не противоречит теории эволюции?

(ii.) На самом деле мы не находим той непрерывной цепочки промежуточных звеньев, которая требуется теории. Теория состоит в том, что, поскольку в природе не должно быть внезапных скачков, различные числа эволюционируют друг от друга в обширной серии почти незаметных улучшений; и из этого с необходимостью следует, что, если бы теория была верна, вместо нахождения отдельных классов мы обнаружили бы различные линии прогресса, проникающие друг в друга столь мелкими шагами, что было бы очень трудно обнаружить их различия. Если, например,, человек произошел от обезьяны, то между ними не должно быть зияющей пропасти, как сейчас, но должна существовать обширная серия связующих звеньев, перекидывающих мост через пропасть между обезьянничеством и мужественностью; и должна существовать раса обезьян, все еще существующая настолько близко к человеку по физическому строению и умственным способностям, что рождение человека от такого происхождения должно быть в пределах естественной вероятности. Пусть A - обезьяна, а B - человек, тогда должен быть непрерывный ряд промежуточных чисел, и A99 должно быть настолько близко приближено к B, что было бы совершенно естественно, если бы B было его дочерним элементом.

Но где найти эти ссылки? и какой натуралист сможет их обнаружить? Если теория верна, процесс все еще должен продолжаться, и мир должен кишеть этими промежуточными расами. Но где они? Епископ Темпл ас попытался ответить на этот вопрос таким образом:

Если спросить, почему это разнообразие незаметно не меняется от крайних форм в одном направлении к крайним формам в другом, ответ следует искать в огромной расточительности и столь же огромной трате жизни и живых существ . . , Яйца, семена и зародыши уничтожаются миллионами, и поэтому в меньшей, но все же огромной пропорции появляются детеныши от тех, кто не был уничтожен. В природе нет отходов, подобных отходам жизни ... Неизбежным действием этих отходов, как показало исследование Дарвина, было уничтожение всех тех разновидностей, которые не были хорошо приспособлены к окружающей среде, и сохранение тех, которые были. (С. 165.)

Но если это и есть решение проблемы, то как получается, что остаются те, кто находится в нижней части шкалы? Одним из великих принципов, используемых для объяснения этой теории, является "выживание наиболее приспособленных". Следовательно, результатом должен быть непрерывный прогресс, и *смыслом существования* каждой последующей формации является ее превосходство над формой, из которой она возникла. A1 выживает, потому что превосходит A по физической подготовке, A2 - потому что превосходит A1, и так далее. Следовательно, следствием принципа Епископа было бы то, что низшие формы, находящиеся в нижней части шкалы, погибли бы, в то время как высшие, поднявшиеся из них,

благодаря их большей адаптации к окружающей среде, выжили бы. Но это не факт. На самом деле, А, находящийся в нижней части шкалы, выживает, хотя А99, находящийся вверху, исчез. Бесчисленное множество промежуточных формаций исчезло, но материнский запас остался. Если когда-либо существовала раса животных, настолько близкая к человеку, что рождение человека от нее было не более чем естественным, то эта раса полностью исчезла, в то время как животные, стоящие на значительно более низком уровне, все еще существуют во всей своей силе. Такой факт представляется мне фатальным для теории.

(iii.) Но геологические свидетельства еще более убедительны. Если все эти существа возникали последовательно и исчезали, мы вполне можем спросить: “Где их кости?” Каждая последующая раса, согласно этой теории, была достаточно могущественна, чтобы одолеть своих предшественников и воспроизвести себе подобных. Поэтому ясно, что мы, естественно, должны искать геологические останки этих некогда могущественных животных. Но здесь мы сталкиваемся с твердым, упрямым, скалистым фактом, что в геологической летописи нет их следов. Мы находим остатки А, В, С, D и т.д., Но между ними существует полный разрыв; и если бы между А и В было 1000 связей, геолог не смог бы показать вам ни одной из них. Он может показать вам А, и он может показать вам В; но что касается А 20, 30 и 40, он может только сказать вам, что они еще не обнаружены. Я знаю, что некоторые добрые христиане боятся геологии, и в этом, я считаю, они совершают большую ошибку; ибо, хотя я допускаю, что в поверхностной теоретической геологии может быть опасность, я никогда не сомневаюсь, что реальные данные о горных породах находятся в совершенной гармонии с реальными данными Священного Писания. Итак, в данном случае это дало нам неопровержимое доказательство того, что эволюционистская теория фактически не основана, и что в геологических летописях пока не обнаружено ничего, что могло бы поколебать нашу уверенность в великом, древнем утверждении Священных Писаний: “Бог сотворил земных зверей по роду их, и крупный рогатый скот по роду его, и все пресмыкающееся по земле по роду его; и увидел Бог, что это хорошо”. Все мы знаем, что целью Книги Бытия не является обучение науке; и некоторые, как мне горько думать, не боятся назвать это мифом или даже поэмой о детстве мира; но я осмеливаюсь утверждать, что утверждение Богодухновенной Книги, которая описывает каждый вид как отдельное творение, в большей степени соответствует хорошо известным геологическим фактам и, следовательно, более научно достоверно, чем теории тех, кто придерживается гипотезы о том, что различные виды или группы произошли сами по себе либо друг от друга, либо от общего предка.

(2) Космическая эволюция.

Но если это имеет место в случае Биологической эволюции, то как обстоит дело с Космической эволюцией или эволюцией неживой материи? Епископ Темпл описывает это как “то, что начинается с Лапласа и объясняет, каким образом земля была приспособлена для обитания живых существ”;[11a] и снова он говорит: [11b]

Таким образом, нельзя отрицать, что здешние астрономы и геологи сделали чрезвычайно вероятным то, что земля, на которой мы живем, была доведена до своего нынешнего состояния путем прохождения ряда изменений от первоначального состояния высокой температуры и текучести, возможно, даже от смеси, состоящей в основном из газов; что такое тело, как планета Юпитер, представляет собой одну из стадий, через которые оно прошло; что такое тело, как Луна, представляет собой стадию, к которой оно стремится; что

оно сжималось по мере охлаждения, и по мере того, как оно сжималось, образовались возвышенности, которые мы называем горами, и что такое тело, как Луна, представляет собой стадию, к которой оно стремится. впадины, вмещающие моря и океаны; что он был изношен под действием тепла изнутри и воды извне, и в результате этого воздействия при исследовании под поверхностью образуются последовательные слои или наслоения; что различные виды животной и растительной жизни сменяли друг друга на поверхности, и что некоторые из их остатков сейчас найдены в этих слоях; и что все это заняло огромные периоды времени. Все это чрезвычайно вероятно, потому что именно таким образом, как впервые указал Лаплас, в соответствии с хорошо установленными научными законами материи, в частности законом всемирного тяготения и законом теплового излучения, естественно изменялась бы огромная масса жидкости.

В этом объяснении нет ничего, что противоречило бы библейским рассказам об образовании нынешнего мира; и, возможно, Богу было угодно использовать законы тяготения и теплового излучения, чтобы привести наш мир в его нынешнюю форму. Но строение земли - это еще не все или почти все.

На земле и внутри нее встречается бесконечное разнообразие веществ. Есть металлы; такие как золото, серебро, свинец, железо и т.д. Есть драгоценные камни великолепной красоты, бриллианты, рубины и т.д. и т.п. Здесь есть растительные вещества любого вида, от нежнейшей травинки до твердой древесины лесного дуба. И здесь есть животные всех классов и всех характеров, от низшего моллюска до самого совершенного и развитого позвоночного. И вопрос в том, что их создало? Были ли они созданы в результате охлаждения земли? Была ли это гравитация или радиация, которые создали золото, рубин, папоротник, дуб, животных и воду?

Но в дополнение к этим различным субстанциям мир изобилует тем, что мы называем "Законами". Существуют законы электричества, теплоты, химии, силы, движения и т.д.; помимо тех, которым приписываются все эти великие изменения, законы теплоты и тяготения — и что их вызвало? Являются ли все они результатом охлаждения земли? Была ли одна масса текучей материи охлаждена в железо, одна - в золото, одна - в дерево и одна - в плоть? и не развились ли все они сами по себе под действием какой-то таинственной силы, тех чудесных законов природы, которым все они подчиняются и которым все они повинуются? В их случае не было ни "борьбы за существование", ни "выживания наиболее приспособленных", ни "естественного отбора" — ни мысли, ни разума, ни замысла, ни плана самих по себе; и действительно, трудно предположить, что они не только эволюционировали сами, но и выработали законы такой изумительной тонкости и силы, что их открытие и использование составляют величайшее достижение современной науки.

Возможно, кому-то будет интересно узнать, как все это предполагалось, и поскольку мистер Герберт Спенсер, по-видимому, является великим апостолом этой теории, я приведу, его собственными словами, заключение его тщательно продуманной аргументации. В "Первых принципах" (стр. 396) он приводит свой великий вывод и выделяет его курсивом, чтобы не было ошибки относительно его огромной важности: "Эволюция, - говорит он, - это интеграция материи и сопутствующее ей ослабление движения, в ходе которого материя переходит от неопределенной, некогерентной однородности к определенной, когерентной неоднородности,

и в ходе которой сохраняемое движение претерпевает параллельную трансформацию”. Неужели ради этого мы должны отказаться от нашей веры в творение Божье?

Но это еще не все, ибо земля не просто наполнена различными веществами и управляется различными законами; но есть и третий элемент, который не учитывается даже в определении м-ра Спенсера, и это жизнь. Жизнь изобилует повсюду; но какая наука может сказать нам, что это такое или откуда она взялась? Была ли она вызвана гравитацией или радиацией? Вызвало ли охлаждение земли появление жизни на ее поверхности? Я не знаю большего доказательства полной несостоятельности эволюционистской теории, чем предположение, высказанное однажды (я думаю, в инаугурационной речи Британской ассоциации), что жизнь зародилась в метеорите из какого-то уже сформировавшегося пригодного для жизни мира. В связи с такой идеей достаточно задать четыре вопроса. Как он попал в тот, другой мир? Как он прикрепился к метеоритному камню? Как он пережил ужасный удар, который, должно быть, испытал при столкновении с землей? и как он распространился, когда оказался один в абсолютном одиночестве необитаемого мира? Такова теория тех, кто боролся бы за создание мира без Бога; и я осмеливаюсь утверждать, что в словах “Всебыло создано Им, и без Него не было создано ничего из того, что было создано” бесконечно больше истинной науки. В Нем была жизнь, и эта жизнь была светом для людей”.

Но, хотя я, таким образом, следовал за епископом Темплом в его двояком разделении теории эволюции, есть еще одно двоякое разделение, которое я считаю несравненно более важным. Я имею в виду теистическую и атеистическую теорию.

I. Существует теистическая теория, ибо не может быть никаких сомнений в том, что многие из тех, кто принимает теорию Эволюции, придерживаются ее в твердой вере в творческую силу самосущего Создателя. Епископ Темпл, *например*, формулирует вопрос так:

В одном случае Творец сразу создал животных такими, какие они есть сейчас; в другом случае Он запечатлел определенные частицы материи, которые либо в начале, либо в какой-то момент истории Своего творения Он наделил жизнью, такими врожденными способностями, что с течением времени развились живые существа, подобные нынешним. Творческая сила остается неизменной в любом случае. [13]

Со своей стороны, я был бы почти склонен считать, что творческая сила теории Эволюции была больше; ибо создание зародыша, который должен развиться во все бесчисленные разновидности как живого, так и неодушевленного существования, является, если это возможно, большим чудом, чем создание каждого отдельного вида. Большое мастерство проявляется при изготовлении как железнодорожного состава, так и парохода, но это мастерство было бы гораздо более высокого порядка, если бы человек сконструировал поезд с паровозом и всеми его вагонами и придал ему замечательное свойство, заключающееся в том, что по прибытии на морское побережье он сам, без участия человека, превращается в пароход.

Таким образом, человек может придерживаться теории Эволюции в ее полном объеме, не испытывая ни малейших сомнений относительно творческой силы нашего Бога. Действительно, епископ Темпл говорит:

Доктрина Эволюции делает аргумент в пользу разумного Создателя и Правителя мира более убедительным, чем это было раньше. По-прежнему, как никогда, существует множество доказательств разумной цели, пронизывающей все творение. Разница в том,

что выполнение этой цели относится скорее к первоначальному акту творения, чем к последующим действиям правительства. Здесь больше Божественного предвидения, меньше Божественного вмешательства; и все, что было взято из последнего, было добавлено к первому. (Стр. 122.)

В благословенной уверенности в Божественном вмешательстве есть такая радость, и, кажется, этому так ясно учит Священное Писание, что невозможно без крайней ревности отнестись к предложению даже о таком перемещении, как то, что описано в этих словах. Но все же, как бы сильно мы ни сожалели об этой теории, мы обязаны по справедливости признать тот факт, что те, кто придерживается ее, могут верить в Бога-Творца с верой столь же твердой и непоколебимой, как та, которая приносит мир в наши собственные души.

Я не могу удержаться от добавления, что такова была точка зрения самого Дарвина. Те, кто отрицает творение Бога, называют Его своим союзником; так что наиболее удовлетворительно прочесть такой отрывок, которым завершается его книга:

Есть величие в этом взгляде на жизнь с ее многочисленными силами, изначально вдохнутыми Создателем в несколько форм или в одну; и что, пока эта планета вращалась по кругу в соответствии с установленным законом тяготения, из такого простого начала были и развиваются бесконечные формы, самые красивые и удивительнейшие. (Стр. 429.)

Мы можем полностью расходиться с ним в его теории Эволюции, но мы рады согласиться с ним в убеждении, что жизнь изначально была вдохнута Творцом.

2. Но существует также атеистическая теория Эволюции, которая, по сути, заменяет Бога Эволюцией. Доктрина Эволюции используется, по словам епископа Темпла, “чтобы доказать, что никакой разум не планировал создание мира”. Теория, по-видимому, заключается в том, что благодаря силе определенных законов первоначальные атомы постепенно эволюционировали во все красоты и бесконечное разнообразие этого густонаселенного мира. Прискорбно видеть безнадежные ухищрения, на которые идут разумные люди, чтобы поддерживать такую теорию. Они вынуждены сталкиваться с вопросами: “Откуда взялись атомы? и теперь возникли законы?” И мистер Герберт Спенсер для ответа на подобные вопросы вынужден прибегнуть к тому, что он называет “Постоянством Силы”. Мы могли бы продвинуться в исследовании еще на один шаг и спросить, каково было происхождение этого Постоянства Силы? и мы не можем не удивляться, что человек, считающийся одним из величайших мыслителей своего времени, не должен быть вынужден, загнанный таким образом в угол, со всей откровенностью признать, что его настойчивая сила есть не что иное, как всемогущество Бога. Но нет, он не может признать существование Бога, и в примечании на стр. 192 своих “Первых принципов” он фактически сообщает нам, что он и профессор Хаксли изобрели термин “Сохранение силы” вместо того, что использовалось раньше, “Сохранение силы”, потому что “Сохранение подразумевает Сохраняющего”, а он это отрицает. Таким образом, его теория Эволюции используется для того, чтобы показать, как мир эволюционировал сам по себе, без вмешательства Создателя или даже Хранителя Силы. Предполагается, что все это было сделано без замысла, без плана, без интеллекта, без навыков и фактически без какого-либо действия ума или разумной силы. Предполагается, что все это является результатом определенных неразумных законов, не установленных никаким Законодателем и не выполняемых никаким Хранителем. Другими словами, теория Эволюции - это атеистическая замена Бога.

Теперь, конечно, если это так, то те, кто пишет и говорит в пользу теории эволюции, должны быть гораздо более осторожны, чем некоторые из них, в определении того, о чем они говорят. Некоторые из них говорят о “доктрине эволюции”, как будто существует только одна доктрина, а некоторые в самых восторженных выражениях говорят о ее необычайной ценности — как, *например*, когда мистер Драммонд сказал в Гросвенор-хаусе, что “Это была великая мысль века, возможно, величайшая, которую когда-либо открывал мир”; но, конечно, когда они делают это, они обязаны сказать нам, что они имеют в виду. Означают ли они просто рост? или прогрессирование? или вариации внутри вида? Или они означают эволюцию от вида к виду? или эволюцию неживого мира? По таким пунктам должно быть четкое и безошибочное определение. Прежде всего, означают ли они эволюцию с помощью Бога или без Него? Эволюция по замыслу божественной Личности или благодаря “Постоянству Силы”, что бы это ни значило? “Эволюция” в словаре мистера Спенсера и его последователей означает не что иное, как теорию формирования мира и всего сущего в нем без действия или замысла личного Творца; и, конечно, вызывает глубокое сожаление тот факт, что христианские защитники используют точно такой же термин без малейшей осторожности или протеста. Я не говорю, что в их трудах нет отрывков, которые, если их тщательно собрать и соединить воедино, могли бы указать на то, что они означают. Но я утверждаю, что поскольку слово “Эволюция” используется ими для выражения способа, согласно которому наш Небесный Отец сформировал все творение, как одушевленное, так и неодушевленное, а атеистами для выражения способа, которым, как предполагается, сформировался мир, они не должны использовать это слово, не разъяснив так же ясно, как солнце на небесах, в каком смысле они его используют. Они могут говорить об “Эволюции” как о великой научной теории наших дней или как о величайшем достижении века, и если только они не будут намного осторожнее, чем были некоторые, их авторитет может быть процитирован как подтверждающий теорию, изобретенную атеистами и поддерживаемую ими в поддержку своего атеизма. Умы людей управляются словами, и, несомненно, мы имеем право попросить тех, кто гордится научной точностью, четко определить, что они имеют в виду, и не оставлять своих ненаучных читателей выяснять, насколько они могут, хотят ли они, чтобы мы верили в самоэволюцию или Божественное образование; в самоэволюцию благодаря Постоянству Силы или в чудесное творение по замыслу, мастерству и всемогуществу Бога. Если они пишут об Эволюции в той свободной манере, в какой некоторые это делали в последнее время, в то время как они, кажется, с восхищением отзываются о философии мистера Герберта Спенсера, их не должно удивлять, если они будут рассматриваться как преподающие его теорию эволюции, и если результатом их написания будет ослабление веры и усиление атеизма.

Но пусть никто ни на минуту не предполагает, что, поскольку мы осуждаем расплывчатую, неточную и ненаучную манеру, в которой некоторые из тех, кто гордится своей научной точностью, по-видимому, смешивают факты и теории, по этой причине мы недооцениваем научные исследования или легкомысленно относимся к научным фактам. В доказательство этого я бы завершил эту статью выдержкой из трудов по-настоящему научного исследователя, покойного мистера Ф. Бакленда, который пишет:

В последние годы доктрины так называемой Эволюции и развития, по-видимому, получили распространение среди тех, кто интересуется естественной историей; но, говоря предельно откровенно, я твердо верю, что Великий Творец, как нам прямо говорят, с самого начала сотворил все совершенное и “очень хорошее”; совершенным и очень хорошей теперь является каждая сотворенная вещь, и так будет продолжаться до конца. Я очень

хочу доказать свою правоту, созвав суд в любое время и в любом месте, перед любым количеством людей любого класса. Я бы назначил жюри из самых выдающихся и умелых инженеров-железнодорожников и механиков, в то время как единственными свидетелями, которых я бы вызвал, была бы рыба, только что извлеченная с глубоководного траулера, городского рыбного рынка или прилавка рыботорговца: я бы привел от них доказательства “конструкции, красоты и порядка”, о чем свидетельствуют такие электрические органы торпеды, хребет-затвор рыбы-напильника, резервуар для воды и очки угря, зубы позолоченного леща, якорь шишкообразной рыбы. присоска и ремора, окраска окуня и уклейки, ихтиофагные зубы щуки, акулы и серебристый волосохвост; хвост лисьей акулы, цепкие губы дори и кильки, нос усача и морской собаки, великолепие арктического гимнетруса и рыбы-ножницы, кинжал в хвосте скатового ската, гнездо колюшки, панцирные пластины осетра, способность дышать через ноздри и запас энергии. жира в лососе; миграции лосося, сельди, сардины, кильки и макрели; и, прежде всего, огромное изобилие рыб, полезных в пищу человечеству. Я удовлетворен тем, что вынесу вердикт в пользу моего взгляда на дело, а именно, что во всех этих замечательных приспособлениях существуют свидетельства замысла и предусмотрительности, а также чудесного приспособления средств к цели. (*Жизнь*, стр. 424.)

СНОСКИ.

[3]Адрес в Гросвенор-Хаусе, 3 мая 1885 года.

[5a]3 мая 1885 г.

[5b] В *Христианском содружестве*.

[6a]“Бэмптонские лекции”, стр. 162.

[6b] Там же. стр. 167.

[7a] “Бэмптонские лекции”, стр. 164.

[7b]“Происхождение видов”, стр. 403.

[7c]“Бэмптонские лекции”, стр. 164.

[7d] Там же. стр. 164.

[7e] Там же., стр. 166.

[11a]Стр. 167.

[11b]Стр. 162.

[13] “Лекции”, стр. 114.